

СТАТЬИ

В. В. Боcharов

ЭТНОГРАФИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ОБЩЕСТВА

На современном этапе развития советского общества возрастает потребность в научных разработках в сфере политических отношений. Именно преобразования в этой области, содержанием которых являются коренные изменения в управленческой деятельности политико-административных структур, основанные на демократизации, составляют суть проводимого КПСС курса на перестройку жизни общества. Однако очевидно, что эти преобразования должны осуществляться не на «глазок», а опираться на солидный научный фундамент, подготовленный глубокими научно-теоретическими исследованиями в области политических отношений. Революционный характер преобразований требует в свою очередь как коренных изменений в исследовательских подходах, так и выделения новых сторон в их изучении. В связи с этим представляется актуальным и своевременным поставить вопрос об организации изучения политических традиций общества и, в частности, посредством такой научной дисциплины, как этнография.

Сформулировав нашу задачу таким образом, четче определим объект нашего внимания. В широком смысле им является политика как относительно самостоятельный вид человеческой деятельности. Это означает, что ее функционирование и развитие детерминируются не только всей общественной структурой, неотъемлемую часть которой она составляет, и прежде всего экономикой, но внутри нее действуют собственные закономерности. Политика неразрывно связана с отношениями власти и управления в обществе, в которых и заключается ее сущность. Ф. Бурлацкий и А. Галкина, например, понимают под политикой форму взаимоотношений между классами, социальными группами, нациями, связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования¹. Политические отношения таким образом, в известной мере совпадают с властно-управленческими отношениями в обществе.

Как и любой другой вид общественных отношений, политические (или властно-управленческие) не могут быть понятны вне исторического анализа. Однако самый беглый взгляд на практику изучения их в марксистской, и прежде всего отечественной, литературе позволяет заключить, что этот основополагающий принцип исторического материализма не всегда последовательно проводился в жизнь. В целом на протяжении последних десятилетий в советских разработках господствовал синхронный подход при исследовании политических отношений в каком-либо конкретном обществе, преимущественно методами юридической науки, которые прежде всего ориентированы на анализ формально-правового аспекта этих отношений. Ограниченность такого подхода заключается в том, что он не дает представления о реальном политическом процессе, осуществляемом в том или ином обществе, так как последний может существенно отличаться от модели, зафиксированной в политико-правовых документах. В частности, такой подход не раскрывает роли политических традиций, которые формируются культурой того или иного общества в ходе его исторического

развития и действуют в политической жизни в большинстве случаев неформально, причем при смене типов политической власти. Недооценка этой проблемы в теоретическом плане означает абсолютизацию нового качества в процессе исторического развития общества, т. е. отрицание момента преемственности, что в корне противоречит марксистской методологии. Удержание обществом в ходе исторического процесса элементов прошлого — такое же необходимое условие, как и возникновение инноваций, в том числе и в сфере политических отношений.

Следует отметить еще одну особенность, характерную в последние годы для отечественной общественной науки в области изучения политических отношений: проводимые исследования в основном были ориентированы на изучение содержательных аспектов властно-управленческих отношений, которые рассматривались прежде всего как надстроечные, детерминированные базисными. Выявление этой корреляции, таким образом, выступало в качестве главной цели научных работ по данной проблематике. Исследуя закономерности взаимодействия в первую очередь экономической и политической общественных подсистем, авторы указанных работ видели свою задачу в том, чтобы определить социально-классовое содержание властно-управленческих отношений, т. е. ответить на вопрос, в чьих интересах управляется то или иное общество. Изучение же политической сферы как относительно самостоятельной общественной подсистемы или же ее обусловленности другими общественными процессами (демографией, культурой, психологией и т. д.) практически выпадало из поля зрения ученых. В результате основными темами исследования в данной области были преимущественно функции государства как орудия классового господства и механизмы его осуществления (в синхронии) или же проблема возникновения государства (в диахронии). Выделение именно социально-классового аспекта в качестве основного при изучении данного типа общественных отношений в рамках этнографической науки, например, нашло отражение в появившейся в последние годы категории «потестарное», которая введена с единственной целью — обозначить качественную специфику властно-управленческих отношений в доклассовых обществах². Понимание же под «политическим» лишь отношения доминирования одного какого-либо класса над остальными существенно, на наш взгляд, ограничивает содержание этой категории. Дело здесь в том, что при абсолютизации собственно классового аспекта в отношениях по поводу власти и управления в процессе перехода общества ко вторичной формации упускается из виду, с нашей точки зрения, то, что качественно новые отношения не охватывают всю совокупность властно-управленческих отношений. Другими словами, формы этих отношений, характерные для первичной формации, могут сохраняться и в развитых классовых обществах, особенно на низших иерархических уровнях. В целом противопоставление категорий «потестарного» и «политического» не отражает реально осуществляющегося диалектического развития властно-управленческих отношений в историческом процессе.

Понятно, что акцент в исследовании политических отношений в сторону их содержательных характеристик был обусловлен эпохой, на протяжении которой зарождалось и существовало советское обществоведение. Эта эпоха определилась как переход от капитализма к социализму, что вызвало к жизни специфические научные подходы к изучению политических отношений. Исследования прежде всего стремились показать обусловленность возникновения государства как орудия классового господства и неизбежность его исчезновения в будущем. В известной степени существующий в советском обществоведении крен в анализе политических отношений можно объяснить также как своего рода ответную реакцию на буржуазные подходы, полностью игнорирующие содержательные критерии и сводящие роль государства лишь к управленческой функции. В. И. Ленин в работе «Государство и революция», давая определение государства, акцентировал внимание именно на его сути, а точ-

нее — как на машине «для поддержания господства одного класса над другим»³. В то же время, как известно, К. Маркс наряду с этой функцией государства выделял и выполнение им «общих дел» в интересах всего общества⁴. Эта функция эксплуататорского государства может быть определена как собственно управленческая (наряду с эксплуататорской), реализация которой обеспечивает существование общества как целостного организма, в чем в известной степени заинтересованы все слои общества.

Однако выделение именно содержательного аспекта в структуре властно-управленческих отношений, которые преимущественно сводились к анализу деятельности государства, в конечном итоге привело к тому, что конкретные исследования в области политики проводились в рамках традиционной научной схемы, конечной целью которой было установление ее формационной атрибуции. Таким образом, снова и снова доказывались общеизвестные положения марксизма об эксплуататорской сущности государства в антагонистическом обществе и его преходящем характере.

Ориентация на исследование преимущественно содержательных аспектов политических отношений обычно мотивировалась необходимостью борьбы с буржуазной идеологией, и прежде всего по вопросу о государстве. Не отрицая всей важности данной проблемы для марксистской науки, следует, однако, отметить, что полемика с западными оппонентами по этому вопросу часто не достигала своей цели. Причина заключается в том, что некоторые навыки теоретических исследований ученых-марксистов в указанной области существенно отличаются от исходных посылок, лежащих в основе других, буржуазных научных направлений. В этих условиях чисто теоретическая дискуссия в принципе невозможна. Например, обвиняя западных оппонентов в постулировании ими извечности существования государства (это обвинение является наиболее частым), обычно не отдают себе отчет в том, что под государством западные исследователи часто по существу понимают социальное управление, которое, действительно, возникает с возникновением общества. Непонимание сути разногласий можно усмотреть и в полемических высказываниях западных оппонентов. Так, Р. Коен обвиняет марксистов в том, что они вообще отрицают наличие управления на ранних стадиях эволюции общества (этот вывод он делает на основании того, что марксисты отрицают извечность существования государства)⁵. Естественно, ни один марксист никогда не согласится с этим обвинением.

Исследование политических отношений в соответствии с потребностями современной общественной практики предполагает, на наш взгляд, перенос акцента в их изучении с содержания на форму. Форма же реализации этих отношений в том или ином конкретном случае безусловно зависит от их содержания, но в то же время не совпадает с ним полностью. К. Маркс, определяя диалектику формы и содержания, писал: «...если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то всякая наука была бы излишня»⁶. Иллюстрируя это положение, он, в частности, писал: «Современное общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, современное государство меняется с каждой государственной границей. В Прусско-Германской Империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах»⁷. Изучение формы политических отношений означает, на наш взгляд, сосредоточение внимания на собственно управленческом аспекте этих отношений, который характерен для них на любой стадии развития и который К. Маркс определял как выполнение «общих дел». Именно исследование этого аспекта может создать наибольшую вероятность использования полученных в ходе теоретической работы результатов в практике управления общественными процессами. И. В. Блауберг справедливо заметил: «...специфической особенностью социальной науки в современных условиях

является направление научного познания в целом на создание эффективных средств управления как природными, так и социальными процессами»⁸. Иными словами, сегодня более актуальным стал вопрос: «Как управляется общество?»

Форма, в которой реализуются политические отношения в том или ином конкретном обществе, наиболее полно охватываются понятием политической культуры общества. В политической культуре какого-либо конкретного социума реализуется его политическое бытие, включающее не только идеологические и политико-правовые установления, принятые в этом обществе, но и реальное политическое поведение его членов, ценностные ориентации, действительные мотивы политических актов и т. д. Следовательно, под политической культурой мы понимаем комплекс взаимоотношений между людьми по поводу власти и управления, сформировавшихся в ходе всей истории его политического развития. Определив таким образом понятие политической культуры, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью уяснения роли в ней традиций, так как именно традиции оказывают сильное воздействие на все стороны политической жизни общества. В большинстве случаев традиции неформально влияют на возникновение стереотипов политического поведения, ценностные ориентации общественного сознания относительно властно-управленческих отношений и т. д., обуславливая тем самым возможность отклонения реального политического процесса от формально закрепленного в политико-правовых документах.

Важную роль в исследовании политических культур конкретных социумов с последующим выходом на теоретические обобщения относительно места в них политических традиций может сыграть этнография. В исторической перспективе этнография (этнология) изначально была теснейшим образом связана с потребностями общественной практики по социальному управлению, и в частности по колониальному управлению поработенными народами. К. Бродье, например, так определил практическую функцию этнографии в конце XIX в., т. е. в период активизации колониальной политики крупнейших государств Европы: «В настоящее время общепризнано, что этнология требует самого пристального внимания не только потому, что она способствует удовлетворению любопытства тех, кто любит заглядывать в деяния природы, а из-за ее практического значения, особенно для страны, чьи многочисленные колонии и интенсивная торговля способствуют контактам с различными видами рода человеческого, которые отличаются друг от друга физическим обликом и нормами морали». Эта цель этнографии еще более категорично была сформулирована В. Флаурэром в его послании президиуму Королевского антропологического института: «Предмет этнологии наиболее выражен в практическом отношении. Он важен для того, кто должен управлять»⁹. Функция этнографии в колониальной практике была связана с исследованием механизмов саморегуляции традиционных обществ, т. е. тех социумов, в которых традиция играла решающую роль в организации общественной жизни, что давало возможность использовать эти механизмы в колониальном управлении. Наиболее ярко выраженный характер этой функции этнографии проявился в английской колониальной практике, где ученые-антропологи непосредственно принимали участие в создании аппарата управления. Именно англичане сознательно и целенаправленно использовали традиции местных народов в управлении колониями в рамках так называемой политики косвенного управления. Под давлением в первую очередь этих практических потребностей возникла и особая отрасль этнографической науки — политическая антропология, которая занимается теоретическим осмыслением управленческих процессов в традиционных обществах, а также их взаимодействием с политическими культурами развитых государств.

Не только не уменьшается, но, наоборот, еще более возрастает как теоретическая, так и практическая функция этнографии в условиях социалистического строительства, особенно в многонациональных социалистических государствах, крупнейшим из которых является СССР. Известно, что в состав СССР как единого политического организма были включены общества, находившиеся

на различных стадиях социально-экономического развития. Многие общественные организмы, например народы Средней Азии и Казахстана, народности Севера и Сибири, находились на докапиталистической стадии развития, а последние — на различных стадиях разложения первичной формации. У всех этих народов преобладал традиционный тип политической культуры (ТПК)¹⁰, т. е. естественно сложившиеся нормы, зафиксированные в обрядах, ритуалах, символах и т. д., передаваемые вербально из поколения в поколение. В то же время в политической жизни нашей страны имела место тенденция к унификации формально-правовой стороны политической жизни в соответствии с принципами, сложившимися в России после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако ТПК этих обществ не могла не повлиять на реальное протекание политического процесса, не внести своеобразие, в основе которого лежат политические традиции того или иного конкретного народа. Это особенно ярко проявилось в последнее время, когда в нашей печати стали открыто обсуждаться недостатки в жизни нашего общества, в том числе в деятельности аппарата управления. Основываясь только на материалах, опубликованных в центральной прессе, а также в местной печати некоторых союзных республик, можно с большой степенью вероятности утверждать, что вскрытые недостатки в деятельности партийно-административного аппарата этих республик во многом обусловлены действием традиций, уходящих корнями в ТПК этих народов. Так, например, семейственность — явление, широко распространенное в среднеазиатских республиках, — по всей видимости, обусловлена традиционным способом регуляции общественной жизни, основанной на родственных связях, в соответствии с которым родственники составляли корпоративную группу, жестко связанную взаимными социальными обязательствами. В настоящее время эта традиция может приводить к тому, что некоторые люди, занимающие должности в системе управления, порой «пристраивают» своих родственников в управленческий аппарат, злоупотребляя, таким образом, своим служебным положением¹¹. Если они откажутся это делать, их работа может быть негативно оценена не только их многочисленными родственниками¹², но и всеми слоями общества, в котором традиционные мотивы продолжают влиять на формирование шкалы ценностей. Типологически близкое явление наблюдается в развивающихся странах, где оно получило название *трибализма* (по всей видимости, этот термин в известной степени применим и для обозначения аналогичного феномена в жизни ряда народов и народностей СССР). Можно усмотреть влияние политических традиций и в таком широко распространенном явлении в жизни среднеазиатских народов, как превышение власти партийными и государственными служащими. Это, в частности, может выражаться в воспроизводстве нынешними руководителями стереотипов поведения, характерных для традиционных лидеров или во всяком случае, приписываемых этим лидерам. Материал, опубликованный в «Казахстанской правде» от 27 января 1987 г., говорит о фактах использования титулов традиционных лидеров по отношению к советским и партийным руководителям республики¹³. Речь, в частности, идет об использовании титула *улы* по отношению к бывшему первому секретарю Чимкентского обкома КПСС (*улы* в традиционной политической культуре казахов означает «великий хан»). Этот факт свидетельствует о том, что как управляющие, так и управляемые еще в значительной степени являются носителями элементов ТПК, которые продолжают, вероятно, функционировать на уровне обыденного сознания и могут в определенных условиях воспроизводиться и на столь высоком управленческом уровне с ярко выраженной тенденцией к их формализации.

Однако все суждения относительно указанных явлений неизбежно пока носят лишь гипотетический характер, так как научных исследований в этой области практически нет. В то же время только научный анализ и прежде всего с помощью этнографии (или потестарно-политической этнографии)¹⁴ может вскрыть закономерности функционирования элементов ТПК в современ-

ных политических культурах народов и народностей СССР. Будучи дисциплиной исторической, этнография должна поставить вопрос об изучении этих элементов прежде всего в эволюционной перспективе, о выявлении механизмов их воспроизводства в качественно новом политическом организме. Теоретическое осмысление этих проблем на основе исторического подхода позволит определить роль политических традиций в жизни социума, что в свою очередь может быть использовано в общественно-политической практике, например при организации системы социального управления, в которой бы учитывались эти традиции, а также в сознательной и научно обоснованной борьбе против тех из них, которые противостоят нормам социалистического общежития.

Важное значение имеет этнографическое исследование политических отношений в развивающихся странах в интересующем нас аспекте. Выделение отдельной группы развивающихся стран обусловлено наличием у них общих экономических, социальных и политических свойств. Характерной особенностью политических культур этих государств является огромный удельный вес традиций в регулировании социально-политической жизни общества. Традиции здесь буквально пронизывают все уровни политической культуры. В основе этого явления лежит опять же прошлое этих политических систем. Они возникли, как известно, в результате взаимодействия различных по уровню социально-экономического развития обществ, чем было обусловлено и глубокое различие их политических культур. С одной стороны, выступали социумы, социально-экономический уровень которых часто не превышал стадии первичной формации, где традиция играла решающую роль в регуляции общественных процессов, с другой же — развитые капиталистические общества, социально-политическая жизнь которых регулировалась преимущественно нормами, зафиксированными в политико-правовых документах. Возникшие в результате этого взаимодействия политические единицы представляли собой колонии, где верхние эшелоны управления функционировали преимущественно в соответствии с политической культурой метрополий, низшие же — в соответствии с ТПК обществ, входивших в состав колоний¹⁵. Это привело к формированию особой колониальной политической культуры с существенной ролью традиций. Велик удельный вес традиции и после достижения колониями политической независимости. Поэтому именно в развивающихся государствах наблюдается наиболее значительное несовпадение формального политического процесса и реально существующего. Правительства этих стран, заимствуя опыт и технику управления развитых в экономическом отношении государств, не в состоянии при помощи этих механизмов овладеть регулятивными системами, функционирующими в соответствии с традиционными нормами и продолжающими оказывать существенное влияние на политический процесс в стране. Поэтому для понимания специфики политических процессов в государствах данного типа этнография также имеет важное значение, поскольку именно она способна дать о них реальное представление, что в свою очередь может быть использовано в практике международных отношений.

В современных же исследованиях проблем развивающихся стран, и в частности стран Африканского континента, к сожалению, обнаруживается «разделение труда». Этнографы ограничивают круг своих интересов исторической реконструкцией преимущественно частных аспектов социально-политической жизни традиционных африканских обществ. Политологические же исследования современной Африки в основном ориентированы на изучение содержательных аспектов политических отношений, а также на их отражение в формально-правовой сфере. В данном случае это привело к тому, что на первый план выдвинуты проблемы, связанные с социально-политической ориентацией африканских государств, а также проблемы государственной деятельности. Однако очевидность несовпадения формального и реально осуществляемого политических процессов на Африканском континенте вынуждает ученых искать причины этого явления, и они довольно часто апеллируют к прошлому, т. е.

к культурным традициям народов. Чаще всего упоминаются трибализм, сохраняющееся значение традиционных лидеров в жизни общества и некоторые другие тенденции. Однако они рассматриваются многими авторами как атавизмы, как своего рода политическое бескультурье. Политическая культура здесь, как можно заметить, понимается в узком смысле, т. е. как овладение членами общества политическим поведением, предусмотренными нормами, зафиксированными в политико-правовых документах. В широком же смысле, т. е. в понимании политической культуры автором данной статьи, эти обычаи и традиции, часто уходящие корнями в доколониальное прошлое, сами составляют неотъемлемую часть политической культуры. Потребность адекватного отражения политических процессов в африканских странах можно обнаружить в эпизодических попытках советских авторов, занимающихся проблемами Африки, обращаться к этнографическим материалам. Необходимо отметить, что эти материалы, как правило, носят поверхностный характер и не дают прежде всего понимания механизмов включения традиций в новый политический контекст, что требует специальных исторических исследований. Без этого использование этнографических данных способно еще раз подтвердить довольно банальную истину, что прошлое оказывает определенное влияние на современную политическую жизнь Африки. Разберем конкретный пример. В. Е. Чиркин в своей монографии «Буржуазная политология и действительность развивающихся стран» отмечает, что «трудности политического развития государств Тропической Африки состоят в том числе и в многочисленных этнических различиях, в противоречивости систем обычаев разных племен»¹⁶. Заметим, что здесь автор ставит по сути дела проблему традиций в образовании формально-правовой политической культуры, которая выступает в качестве цели политического развития. Далее для иллюстрации этого положения дается описание социальной структуры народности аруша. Избранный пример, как явствует из дальнейшего изложения, должен показать особенность социальной структуры данного этноса, заключающуюся в преимущественном праве управления общественными делами старших по возрасту членов социума. В связи с этим автор пишет: «В некоторых странах Тропической Африки неодинаковое управление делами племени, поселения связано также с возрастными различиями»¹⁷. Для африканиста-этнографа очевидно, что «неодинаковое участие в управлении делами племени, поселения», связанное с возрастными различиями, — явление для африканских народов универсальное. Общества же с институализированными возрастными классами, к которым относятся и аруша, являются частным, хотя и наиболее ярко выраженным случаем. Этот традиционный принцип властно-управленческих отношений является одним из основных действующих в политических культурах африканских стран, и именно его универсальность (а не особенность, как считает автор) дает возможность использовать его в современной политической жизни многих государств континента. В Танзании, например, в состав которой входит около 120 этносов, он в значительной степени определяет структуру правящей партии (ЧЧМ), и даже президент, принимая наиболее ответственные для нации решения, старается предварительно заручиться поддержкой высшего звена секции старейшин, являющейся коллективным членом партии¹⁸. Действие авторитета старших в новых условиях существенно отличается от механизма использования ими авторитета в доколониальных традиционных обществах, включая реальные права по управлению общественными делами. Для понимания бытования этого элемента ТПК в новом политическом контексте необходимо восстановить весь процесс политического развития африканских народов, включая доколониальный, колониальный и независимый периоды, т. е. исследовать проблему исторически.

Приведем еще один пример, который, с одной стороны, говорит о возросшей потребности объяснить явления современной политики в Африке исходя из ТПК этих народов, а с другой — о трудностях на этом пути, связанных с существующим разрывом между политологией и этнографией. Л. М. Энтин видит

помимо прочих причин, обуславливающих авторитарные тенденции в политической жизни африканских народов, и «влияние родоплеменных пережитков»¹⁹, ссылаясь в качестве авторитета на Б. О. Нвабуэзе — нигерийского ученого, считающего, что в странах Африки исключительной концентрации власти способствует то обстоятельство, что она в значительной мере покоится на традиционных представлениях и верованиях, характерных для условий родоплеменной жизни. Вождь в доколониальном африканском обществе, по Нвабуэзе, — это одновременно и законодатель, и правитель, и судья, и священник, и медиум и т. д. Исследователь считает, что все эти черты нашли свое отражение и в современных африканских государствах, в которых почти неограниченные полномочия президента представляют собой как бы проекцию прерогатив вождя на современное общество. Л. М. Энтин совершенно справедливо сомневается в правомерности отождествления вождя в доколониальном африканском обществе и современного президента в африканском государстве²⁰. Аргументируя свою точку зрения, он, в частности, пишет: «Да к тому же авторитаризм — это явление, свойственное отнюдь не только странам Тропической Африки, где пережитки родоплеменного строя особенно сильны»²¹. Проанализируем вышеобозначенную дискуссию между нигерийским и советским учеными. Прежде всего отметим, что у этнографа-африканиста, знакомого с политической культурой доколониальных африканских обществ, вызывает большое сомнение характеристика Нвабуэзе роли вождя в тех социумах. Даже для вождей наиболее развитых доколониальных политических образований (т. е. допуская, что нигерийский ученый использовал в качестве эталона верховного вождя надплеменного образования — вождества) все его определения требуют как минимум уточнения степени — в какой степени законодатель, священник и т. д. Особенно большое сомнение вызывает определение вождя как правителя. Известно, что функции вождя по управлению общественными делами даже в тех обществах были весьма ограниченными, и его деятельность жестко контролировалась обществом. Действительно, в колониальный период традиционные вожди были в значительной степени освобождены от этого контроля колониальной администрацией. Но это уже качественно новый институт, возникновению которого предшествовал период разрушения доколониальной управленческой структуры, а также насильственного «обучения» как самого вождя, так и тех, кто оказался под его управлением²². Иными словами, процесс взаимодействия доколониальных властно-управленческих отношений с современными гораздо сложнее, чем непосредственное влияние, и может быть реконструирован лишь в ходе исторического рассмотрения. Л. М. Энтин не приводит таких доводов. Его же аргументация по существу вынесена за пределы рассматриваемого объекта, так как причина авторитарных тенденций в африканистских политических системах, утверждаемая Нвабуэзе, представляется несостоятельной советскому автору, который обосновывает свою точку зрения наличием аналогичных явлений в других культурных ареалах. И это существенно снижает убедительность приводимых аргументов. Таким образом, вырисовывается еще одна задача в изучении политических отношений, стоящая перед этнографией, а именно критика буржуазных научных концепций, причем не только с общеметодологических позиций, но и с конкретно-научных.

Следует отметить, что для западной политологии в большей степени характерен культурологический подход к исследованию политических отношений. В частности, это можно объяснить тем, что там политология находится под сильным влиянием политической антропологии, которая, как мы уже отмечали, изначально ориентировалась на изучение властно-управленческих отношений в традиционных обществах, а также взаимодействия этих отношений с политическими структурами современного типа. Характеризуя в общих чертах подходы западной науки к проблеме культурологического изучения политики, можно отметить характерное для нее отождествление разнокачественных по своей сути явлений. Для примера возьмем взгляды того же Нвабуэзе. Подобные

неправомерные отождествления различных по своей сути явлений и процессов можно найти и у других авторов.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что этнографическое изучение политики предполагает прежде всего рассмотрение ее как относительно самостоятельного вида общественной деятельности. Это означает, что акцент делается на собственно управленческом аспекте этой деятельности, который выступает по отношению к ней как форма, а не на содержательном, т. е. социально-классовом уровне. Следует иметь в виду, что политические отношения — это процесс и они не сводимы к структуре и функциям органов власти, будь то традиционное общество или же общество, развитое в социально-экономическом отношении, в котором доминирует формально-правовая политическая культура, закрепленная в специальных документах. В качестве способа видения этого процесса может быть использована кибернетическая трактовка управления. В этом случае управление понимается как информационный процесс, в ходе которого осуществляется циркуляция информации от центра управления (генератора управляющей информации) по каналам связи к управляемым элементам и от них в центр по принципу обратной связи. На этом этапе она определяется как осведомляющая или контролирующая. Ее функцией является корректировка действий центра в соответствии с результатами воздействия управляющей информации.

Видение политических отношений как процесса представляется существенным, и если в целом характеризовать научные подходы политической антропологии, например, то можно отметить, что они в основном ориентированы на изучение структуры и функций институтов власти в обществе, т. е. если ориентироваться на кибернетическую трактовку этого процесса, — лишь на этап, связанный с выработкой управляющей информации и доставкой ее управляемым элементам, а обратные связи, т. е. механизмы контроля за системой управления, зачастую не рассматриваются. Недооценка же обратных связей в процессе социального управления чревата просчетами в практическом использовании научных результатов. В качестве примера можно сослаться на опыт тех же англичан в проведении политики косвенного управления в колониях. Так, с точки зрения теоретиков, для использования традиционных институтов власти в колониальной администрации достаточно было расширить функции этих институтов, что, как предполагалось, и должно было обеспечить управление в интересах метрополии. Когда же это было осуществлено на практике, традиционный процесс управления разрушился, так как народные массы (управляемые) потеряли присущие им механизмы контроля за своими институтами власти. Это же, с точки зрения общей теории управления, и привело к краху политики косвенного управления, поскольку процесс не может развиваться при отсутствии обратных связей. Естественно, эта кибернетическая схема при изучении политических отношений должна быть наполнена политико-социологическим (этносоциологическим) содержанием, основывающимся на принципе принятия управленческого решения. Органы верховной власти в соответствии с ним обладают преимущественным правом принятия этих решений и выступают, таким образом, как центр управления. Каналами связи служат иерархически соподчиненные органы управления, которые реализуют эти решения в практику поведения народных масс (управляемых элементов). Обратную связь осуществляют специальные институты, в функции которых входит контроль за системой управления, а также неформальные механизмы (как, впрочем, и на других этапах процесса), например общественное мнение и др.

Историческое исследование политических отношений реализуется через изучение политической культуры общества. Политические традиции являются неотъемлемой ее частью. Изучение традиций происходит в ходе исторической реконструкции политического развития какого-либо конкретного социума путем рассмотрения механизмов, обуславливающих преемственность прошлых элементов в качественно новом образовании, а также функционирование этих элемен-

тов в новой структуре. Традиции могут влиять на политический процесс в целом, т. е. как на формирование официальной политико-правовой структуры, так и на действительную ее реализацию.

Традиции, несомненно, представлены в политической культуре любого общества. Однако они наиболее ярко выражены в тех обществах, которые во времена империалистических колониальных захватов оказались на периферии общественной эволюции относительно передовых европейских государств и которые вошли в мировую политическую систему империализма в качестве подчиненного элемента. Это были преимущественно социумы, в которых ТПК играла решающую роль в регуляции общественных процессов. После достижения политической независимости (либо включения в состав многонационального социалистического государства) их политические культуры продолжают сохранять черты, обусловленные прежде всего их колониальным прошлым, и прежде всего огромную роль элементов ТПК и сегодня. Следует отметить, что именно мировая этнографическая наука располагает солидным материалом по традиционным обществам различных регионов, накопление которого так или иначе было связано с колониальными захватами. Это и свидетельства первых путешественников, миссионеров, чиновников колониальных администраций и т. д. Поэтому именно этнография может наиболее достоверно фиксировать элементы ТПК в политических культурах современных государств и во взаимодействии с социологией определить роль, которую они играют в их жизни.

Исторический подход к изучению традиций в политической жизни какого-либо конкретного общества предполагает последовательное рассмотрение воспроизводства элементов ТПК в процессе его политического развития. Начальным этапом, таким образом, является разработка проблем, связанных с ТПК этих социумов, преимущественно на базе письменных источников доколониального и колониального периодов. Здесь необходимо исследовать традиционные институты власти, их структуру и функции, их идеологическую и мировоззренческую основу, которая обеспечивает авторитет этой власти, формы традиционного лидерства и осуществление контроля за деятельностью лидеров и др.

Второй этап предполагает анализ взаимодействия социумов с ТПК с политическими культурами стран-метрополий. В частности, необходимо проанализировать влияние новой политической ситуации на ТПК в колониальных обществах, роль традиционных лидеров в колониальных политических структурах и др.

На следующей стадии разрабатываются проблемы воспроизводства элементов ТПК в условиях национальной независимости или многонационального социалистического государства. Здесь можно выделить следующие направления исследования: влияние ТПК на функционирование государственных и партийных органов, авторитет современных политических лидеров, модели политического поведения, формы и методы управления и др.

Примечания

- ¹ Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
- ² Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Сов. этнография. 1972. № 5. С. 63.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 73.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 422.
- ⁵ Cohen R. Political Anthropology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. N. Y., 1974. P. 86.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 324.
- ⁷ Их же. Соч. Т. 19. С. 27.
- ⁸ Foster G. M. Applied Anthropology. Boston, 1969. P. 7.
- ⁹ Ibid. P. 182, 184.
- ¹⁰ Куббель Л. Е. Традиционная потестарная и политическая культура в колониальном и современном развитии африканских государств // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

- ¹¹ Престижность управленческой деятельности является характерной особенностью ТПК.
- ¹² Круг различаемых родственных связей у среднеазиатских народов гораздо шире, чем, например, у русских, что опять-таки свидетельствует о значимости элементов ТПК в жизнедеятельности этих народов.
- ¹³ Казахстанская правда. 1987. 27 янв.
- ¹⁴ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- ¹⁵ Его же. Традиционная потестарная и политическая культура... С. 128.
- ¹⁶ Чиркин В. Е. Буржуазная политология и действительность в развивающихся странах. М., 1980. С. 84.
- ¹⁷ Там же. С. 84—85.
- ¹⁸ Somoff J. Tanzania. Local Politics and Structure of Power. Wiskonsin, 1974. P. 147—148.
- ¹⁹ Энтин Л. М. Политические системы развивающихся стран. М., 1978. С. 212.
- ²⁰ Отметим здесь же, что функции традиционных лидеров (вождей) в доколониальных африканских обществах были весьма различными, поэтому и сама аналогия представляется не совсем корректной.
- ²¹ Энтин Л. М. Указ. раб. С. 213.
- ²² Бочаров В. В. Власть и управление в колониальных обществах Восточной Африки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Н. Н. Великая, В. Б. Виноградов

ДОИСЛАМСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ У ВАЙНАХОВ

Проблема взаимодействия языческих и монотеистических верований и культов является одной из наиболее сложных и наименее разработанных в религиозно-кавказоведческой литературе. Цель данной публикации — проследить характер доисламских верований вайнахов¹.

До проникновения монотеистических религий (христианства — с рубежа VIII—IX вв. и ислама — не позднее XVI в.) у чеченцев и ингушей сложилась довольно развитая система политеистических верований. Основными божествами у них являлись: Дела (первоначально бог солнца и неба, отец иных богов), Села (бог грома и молнии, блюститель нравственности), Тушоли (первоначально женский дух возрождающейся природы, растительности, затем богиня плодородия), Галь-Ерда (покровитель скотоводства), Елта (хозяин диких зверей и покровитель охотников), Эштр (бог загробного мира), Молдзы-Ерда (бог войны) и др.² В разных обществах возникали специфические особенности культа одних и тех же божеств, видоизменялись их имена; поклонялись также местным божествам-покровителям.

Культы богов был в основном умиловительным с элементами более ранних религиозных форм. Празднества в честь общевайнахских патронов были приурочены к началу или окончанию сельскохозяйственных работ, к важнейшим датам традиционного календаря. Языческие обряды, которыми руководили жрецы³, включали моления, жертвоприношения, а также песни, танцы, гадания.

В период средневековья на традиционные верования и культы вайнахов заметное влияние оказало христианство. В горные районы края оно проникало неоднократно: в IX—XIV вв.⁴ — преимущественно из Грузии, в конце XVI—XVII веков⁵ — из Грузии, во второй половине XVIII в.⁶ в основном из России.

Процесс христианизации оказался длительным и незавершенным вследствие ряда причин: недостаточной активности политических сил, заинтересованных в христианизации, замедленных темпах социально-экономического развития вайнахского общества (отсутствие четкой классовой структуры, государственности), неблагоприятных внешнеполитических событий (особенно в XIII—XIV в. — нашествия чингизидов, Тимура), подчиненности религиозного фактора